
Об украшающих окрасках и о половом подборе

1949

Александр Федорович Котс

«Лишь чрез прекрасного зарю
Проникнешь ты в страну познания!»

—Ф. Шиллер

«Я трепещу все время от мысли, что желая высказать истину, я записываю только вздох»
— Стэндалъ

Не без опаски и смущения приступаем мы к главе, имеющей наглядно подтвердить изложенное выше, подвести итоги нашей критике, и, что важнее, нашим позитивным выводам.

Мы разумеем область фактов и явлений, привлекавших с давних пор внимание людей всех стран и всех народов, призванную, более, чем все другое примирить различия культур и наций, область, наиболее предательскую для внесения антинаучных взглядов, при одной лишь мысли о которой слышатся упреки в обывательском дилетантизме.

Это нечто, столь простое и обычное, это понятие столь спорное и субъективное, столь мало говорящее одним, столь многое другим, есть то, что разумеют, говоря об **эстетическом** воздействии предмета и явления на человека.

Но едва ли нужно говорить, что беспредельное по широте, бездонное по глубине, суммарное и многозначное, это понятие «Красоты», не может быть предметом нашего анализа во всем его объеме.

И, однако, даже ограниченная лишь одной живой природой, эта сфера «эстетического» и прекрасного, при всей условности ее определения, является той именно ареной, на которой рано или поздно разыграется последний бой критической научной мысли в повседневной жизненной правдой, определится их гармонический союз, или дальнейший возрастающий разлад.

А что он есть, этот разлад, в этом нетрудно убедиться: стоит лишь напомнить, как по разному расценивают то же самое явление глаз ученого и обывателя, будь то аркада радуги, синь неба, пламенеющий закат, сверкание снега, иглистый узор заиндеветшего окна, блеск изумруда, или нежные ласкающие переливы жемчуга...

Как просто-прозаично объясняются наукой все эти явления, не более загадочные, чем игра и переливы красок на воночей луже нефти, или ароматных пленках пенящего мыла....

Никто не изумляется сейчас при виде мыльной пленки и стального лезвия, играющих цветами радуги, как не являются «проблемой» и блеск алмаза и морозные узоры зимнего окна..

И так естественно желание свести к подобным же законам химии и физики богатство красок и узоров органического мира, будь то оперения птицы, или крыльев бабочек...

Желание естественное, но, однако, не легко осуществимое, за несравнимостью явлений двух различных категорий: царства мертвого и органического, правильнее говоря, — «организмического» мира.

Хорошо известно, что для большей части фактов и явлений мертвой, неорганизованной природы современная наука вскрыла ее прошлое, поведав о минувших состояниях Земли, когда то в отдаленнейшие времена, не знавшей на сверкания снежинок, ни цветистой радуги, ни голубого неба; в те далекие эпохи, когда шар земной окутан был густою пеленой паров, когда отсутствовали климатические пояса, или позднее, в пору, когда там, где ныне громоздятся с грохотом полярные торосы, раздавался шепот субтропической листвы..

Все эти грандиозные былые смены «лика Матери-Земли» давно известны не одним только ученым.

И, однако, говорить о «генезисе», о «происхождении» голубого неба, об «истории» возникновении радуги — столь же нелепо, как беседовать об «эволюции» снежинок и цветного спектра.

И понятно, почему.

Мы понимаем постепенность становления жемчуга, отчасти таковую и для минералов, но мы не говорим об их «истории» в том смысле, как об эволюции животных и растений. И, конечно, будь стекло известно людям Каменного Века, льдистые узоры их окон слагались бы таким же образом, как ныне в Век Социализма, и снежинки, ныне падающие на шубку русской комсомолки, оседают в тех же звездчатых кристаллах, как десятки тысяч лет тому назад на грибах мамонтов, бродивших некогда на территории теперешней Москвы.

Вот почему, ни обыватель, ни ученый не запрашивают об «истории» снежинок, радуги и голубого неба, молчаливо полагая, что всегда и всюду, при определенных предпосылках климата и атмосферы, синева небес, и радуга, и снег проявятся немедленно и безотказно ныне, как и в век пещерного медведя, или мамонта.

Короче, проще: В полное отличие от мамонта или медведя — радуга и снег, и голубое небо **лишены истории** и в силу этой их неисторичности воспринимаются они так непредвзято-просто-непосредственно-бездумно-созерцательно, примерно также, как воспринимается и вся природа в детском возрасте, или народами на детских стадиях, или этапах своего культурного развития.

Но как совсем иначе смотрится, воспринимается мир организмов, яркость и причудливость цветов, окрасок и узоров на растениях или животном.

Даже ограничиваясь только представителями класса **Птиц**, этих по выражению **Дарвина**, быть может, эстетичнейших существ, легко воочию, наглядно показать **особенность подхода в понимании и оценки «красоты»**, или «прекрасного» там, где касаются они **живых объектов**, или даже лишь посмертных их останков, будь то «самоцветы» крохотных Колибри, диадемы, ожерелья, веера, фонтаны перьев «Райских Птиц», или хохлы, султаны, шлейфы оперения фазанов...

Правда, что и здесь подавленный и зачарованный чудесной красотой, замороженный ею зритель склонен иногда, отдавшись эстетическим переживаниям, забыть о познавательных, уподобляясь детям, наживающим свои восторги в репликах эмоционального порядка.

И, однако, изживаться в возгласах — дано лишь детям по развитию и возрасту, и там, где высший дар, способность, право пользоваться разумом, не остается втуне — властно выдвигается вопрос о том, **как зародилась, как возникла, как слагалась эта сказочная красота?**

В поисках ответа на вопрос необходимо расчленив его на ряд более дробных, сделать три существенные оговорки.

Первая: необходимость строго разграничения **Гистологического, Физиологического, Исторического и Эстетического** рассмотрения вопроса.

Во вторых: Разграничение проблемы «Цветности», окраски и «Узора», в высшей своей форме, приводящего к «орнаменту».

И, наконец, последняя, принципиальная, или точнее: терминологическая оговорка в отношении употребляемых понятий или терминов: Мы разумеем различие понятий «Красота», «Прекрасное» и «цветности», «окраски», «украшения», «Орнамента».

Начнем с конца, с анализа двух основных понятий: «Красоты» и «Украшения».

Близкие, сходные по корню два этих понятий далеко не равнозначны.

Ограничиваясь Зоологией, можно сказать, что, если первая не поддается объективному определению, второе все же допускает таковое.

В самом деле. Чтобы слыть «красивым», быть воспринятым как таковой, необязательно наличие особых, специфических «украшений», т. е. вещно-обособленных образований, или признаков, содействующих эсте-

тическому восприятию, как и обратно, можно привести несчетное количество таких при­датков, или атрибутов, относимых к «украшениям» и все же не содействующих «красоте» носителя последних.

Вопреки условности и субъективности всех относящихся сюда понятий — их полезно пояснить немногими примерами.

Как в человеческом быту, при том не только у так называемых «дикарей» с их «украшениями» из перьев, раковин, ногтей, зубов и деревяшек на ушах, носах, губах, но, к сожалению, и на «вершинах человеческой культуры», когда дряхлые мегеры или обойденные природой сияют при помощи белил и красок, лака, клея и чужих волос создать иллюзию былого или нового очарования, — так и в мире птиц нетрудно привести десятки, сотни иллюстраций защищаемого положения: независимости «красоты» от украшающих орнаментов и атрибутов.

Не случайно языком любителей и знатоков многие виды птиц отмечены прозвищем «благородных» в целях оттенения изящества и красоты их облика и это вопреки отсутствию каких-либо особых специфических орнаментальных атрибутов.

Посмотрите на так наз. «Благородных Соколов» и в частности на **Кречета Полярного**, — любимой ловчей птицы соколятников былых царей московских.

Сколько красоты, изящества и благородства в облике такого сокола при всей суровой скромности его наряда: белоснежный с темным крапом, стройный, горделивый без каких-либо цветных орнаментов, полярный Кречет может почитаться символом, эмблемой наших героичных летчиков.

Подобное же впечатление красоты на базе полного отсутствия каких-либо особых «украшающих аттракционов» вызывает вид **Совы Полярной**, с ее снежно-белым одеянием, контрастно оттеняющим недвижный взгляд громадных золотистых глаз, или, взяв образ более известный, облик Лебедя, воспетый так восторженно и поэтично в хорошо известном описании **Аксаковым**.

Примеров типа приведенных можно привести бескрайно много, как по счастью и в людском быту: чудесных образов, прекрасных, привлекательных, как таковых, пленяющих, манящих простотой, изяществом природных данных, чуждых всякой фальши, мишуры и аффектаций.

Но и как в людском быту, при виде безыскусственной, природной красоты не спрашиваешь об ее источниках, причинах, целях и мотивах, а воспринимаешь ее целостно, как нечто данное, так и природная «простая» красота трех упомянутых полярных птиц не вызывает в нас особых дум, невольно связывая их наряды с фоном обитаемых ландшафтов, с «защитной окраской» царства льда и снега.

И хотя такое представление по существу неверно (как то было выяснено при анализе проблемы «Защитной Окраски») — приведенные примеры малопоказательны еще и потому, что убедительны они лишь для зоолога, для «соколятника», охотника, любителя природы...

С чувством горечи и сожаления приходится признать, что для немалого числа людей полярный кречет, лебедь и сова полярная способны вызвать только реплику стилия, когда то брошенной малоудачным Чеховским героем: «Птица и есть птиц и больше ничего..»

Но обратимся к рассмотрению примеров, поясняющих обратное: наличие особых, специфических «украшающих» при­датков, или принимаемых за таковые, но не повышающих изящества и красоты их обладателей.

Из множества примеров выбираем наиболее рельефный.

Перед нами — странное образование: два парных прутика, длиной каждый в 40 с лишним сантиметров и усаженные, каждый, рядом странных роговых пластинок нежно блекло голубого цвета, наподобие блестящих небольших эмалевых — «флажков».

Можно уверенно сказать, что попадись эти два прутика любому орнитологу без самой птицы, с предложением указать природное их положение на теле птицы, — наш ученый склонен был бы поместить их, эти прутики, куда угодно, на бока, на спинку, в области хвоста и всего менее туда, где эти «украшения» фактически находятся: на голове животного.

Тем любопытнее, что в остальном эта причудливая птица, названная «Райская Чешуйчатая», ничем не замечательна: величиною с Иволгу, темная сверху, грязновато-охристая снизу, и не будь ее гротескового головного «украшения», ее владелец потерялся бы бесследно среди тысяч прочих видов птиц.

Сказать, что и в рассматриваемом примере «Птица и есть птица и больше ничего!» пожалуй, не решится даже чеховский герой. А для зоолога и дарвиниста, для любого вдумчивого человека эта небольшая птичка может навести на многие раздумья.

Всего прежде с точки зрения вопроса о значении и роли этого необычного образования.

Приписывать ему серьезную биологическую роль для жизни птички мы не можем, памятуя, что у самочки этих придатков не имеется.

Но оставляя за собой вернуться к этому примеру, нам сейчас достаточно признать, что вычурные до гротеска, эти головные два придатка не содействуют ни мало украшению целой птицы, совершенно также, как нелепейшие извращения современной моды в человеческом быту только подчеркивают неприглядность их поклонниц.

Здесь легко предвидеть возражение. Нам скажут: Не привносятся ли нами в разбираемый пример моменты «Антропоморфизма», человеческие установки и оценки, **наши**, эстетические взгляды и суждения...

Где доказательства тому, что субъективно понимаемые в свете «красоты» и причисляемые к типу «украшения» два прихотливых прутика с флажками суть на деле таковые?

В отведение этого упрека, можно, оставаясь в Класе Птиц, найти не малое число примеров специфических придатков или атрибутов, смысл и значение которых именно как «украшений» не внушали бы сомнений.

Перед нами снова некое образование, загадочное с виду, с первого взгляда заставляющее нас воскликнуть: «*Лира!*» — в такой мере очертания, контуры и мельчайшие детали этого образования напоминают нам знакомый с детства образ — музыкальный атрибут бесчисленных мифологических героев древности, Орфея, Ариона, Апполона, символ мировой поэзии и царства звука...

Тут и согнутая «лировидно» симметрическая «рама», в виде прихотливо согнутых двух крайних перьев и охваченные ими специфично измененные, лишенные обычных опахал 14 изящных перышек, подобно струнам, заполняющим оправу...

Перед нами — четко воспроизведенный подлинно-художественный мотив, законченный в деталях, целостный в «идеи».

Доведись такому образу, хотя бы в менее утонченной и завершенной форме быть показано любому человеку, хоть немного образованному в музыкальном деле за пределами гармошки, и сравнение этого образа с античной лирой встанет неизбежно.

А владелец этой органической, природной лиры?

Среднего размера птица, большеногая, с довольно длинной шеей, с однотонным, рыхлым оперением тусклого землисто-бурого оттенка.

Обитатель южных и восточных областей Австралии, этот так называемый «Лирохвост», не будь его причудливого украшения, ничем не обращал бы на себя внимания, кроме своей дикости, да имитаторским талантом, наблюдаемой нередко среди птиц способностью перенимать чужие голоса и вообще разные звуки окружающей природы.

Перед нами — исключительно загадочное, интересное явление. Сказать и здесь, что «перед нами птица и больше ничего» способны только люди, дефективные умом и сердцем.

Опуская ряд напрашивающихся вопросов, о возможности заимствования формы музыкальной лиры от ее природного прообраза стиля теперешнего «Лирохвоста»; о закономерностях «случайных» совпадений (по закону «больших чисел») творчества Природы и людского домысла, не побоимся четко и категорически спросить:

Возможно, ли без опасения упреков в антропоморфизме, подвести «хвост» Лирохвоста под понятие «орнамента»?

Сказать, что «нет!» — не значило бы отказать в эпитете «изящности» и «украшения» не только очертаниям античной музыкальной лиры, но и нескончаемым вариациям подобного мотива в области архитектуры самых разных стилей...

Да и в самом деле. Признавать наличие изящного и красоты за этими мотивами, созданием людского творчества и отрицать понятие «прекрасного», «изящности» и «красоты» за сходными орнаментами только потому, что созданы они самой Природой — можно только, исходя из априорных установок, из предвзятости и догматизма.

Таковы причины, вынуждающие нас, наперекор начетчикам и обскурантам, говорить и в отношении живой природы и языком ученого об элементах **эстетического** свойства и при том безотносительно к моментам «пользы» и «утилитарным» объяснениям, возможным, но не обязательным.

Вот почему, в дальнейшем мы спокойно будем говорить о «красоте», «прекрасном» об «орнаментах» в животном мире, не считаясь с тем, сопутствуют ли этой красоте в каждом отдельном случае и элементы «пользы», как и эстетические очертания античной музыкальной лиры не мешали ее звучности, или, подобно лировидным фрескам и орнаментам в архитектуре — украшения, как таковые, лишены утилитарных целей.

Оставляя до другого места приведение других примеров изумительных орнаментов животном мире, возвратимся к нашему исходному вопросу о разграничении понятий «Красоты» и «украшений», различению объективно-вещных образов орнаментального характера и субъективного их восприятия под знаком «красоты» и «эстетичности».

Начнем с установления простого факта, что в бесчисленных примерах и не только птиц, но и других существ различных классов или типов, яркие, блестящие покровы тела достигаются сравнительно простыми средствами, не представляющими ничего загадочного и сближающими с тем, что наблюдается в неорганической природе.

Перед нами ряд существ или останков их, предельно разнящихся по наружному их виду, по строению, складу и по месту, положению в зоологической системе:

Морской червь с мохнатым верхом, отливающим цветами радуги и обусловившим ее название «Колючей Афродиты»

Перламутровая Раковина **морского моллюска**

Лазурно-голубая **бабочка** из рода «Морфо» (Южная Америка)

Смарагдовый Жучек из рода Бупрестидэ (Южн. Америка)

Чучело африканского «блестящего Скворца» (Лампроторнис)

Преднамеренно мы подобрали формы четырех различных типов но объединяемых одним лишь признаком: блестящими покровами, будь то наличие металлического блеска, или тонкая игра причудливыми переливами цветов по типу солнечного спектра.

И, однако, как ни восхитительна эта игра цветов на оперении африканского скворца, на перламутре раковин или мохнатым одеянии «колючей Афродиты» — как ни изумительна лазурь бразильской бабочки или смарагдовое одеяние жучка, и там, и здесь, нет оснований создавать особые «проблемы красоты»: во всех этих примерах речь идет о фактах и явлениях, не выходящих из границ законов **физики**: И там, и здесь образование радужных цветов и переливов — есть явление чисто-физическое, вызванное изменением поверхностного слоя тех или иных покровов, вызывающим интерференцию лучей («игру тонких пластинок»).

Непонятного, или загадочного в этих красках и цветах не больше, чем в спектральных переливах лужи нефти, мыльной пленке, накалинной стали и раскинувшейся в небе радуге.

И там, и здесь — игра цветов лишь привходящее явление, лишенное самодовлеющего смысла и значения.

Но не случайно в приведенных только что примерах фигурирует сплошная ирризация, сплошная вообще окраска или цветность данного животного, явление вообще не слишком частое, поскольку более обычно

нарушение сплошного тона лентами, каймами, оторочками, глазками, пятнами и крапинами, приводящими к образованию «узора».

Но и здесь, смотря по сложности и прихотливости последнего, можно отметить все тончайшие градации от скромных крапин и полос до самых вычурных рисунков, частью без труда сводимых к правильным соотношениям, созвучным внутренней структуре «украшаемой» поверхности.

Но еще чаще — к сожалению, или, по счастью, эти «узоры» проявляются настолько сложно и закончено, столь совершенными по несравненной тонкости, художественности «мотива», что попытки объяснения их одними лишь физическими факторами кажутся наивными.

Что это так, — в этом нетрудно убедиться, обратившись к рассмотрению двух примеров, освященных описанием их у **Дарвина**, но именно лишь описанием, к тому же далеко не полным.

И не в том, конечно, смысле, что на переданы адекватно красота и совершенство этих двух созданий: никакое слово, никакая графика или трехцветка, неспособны разрешить эту задачу.

Основное упущение и знаменательный пробел иные.

Сущность украшающего оперения обеих птиц, имеющих здесь ввиду, — самцов **Павлина** и фазана **Аргуса**, — давно и хорошо известны, а сверкающее оперение первого знакомо не одним зоологам.

При этом, не в пример великому английскому ученому, мы пальму первенства по изощренности, утонченности украшения присудили бы **Павлину**, а не **Аргусу**, при том на следующих основаниях:

А. В отличие от «шаровидных» украшений оперения Аргуса, образование «павлиньего глазка» складывается не только из расположения пигмента, но и замечательного изменения структуры опахал отдельных перьев в направлении общего и целостного образа.

В. Тот же принцип: содействие единому и целостному впечатлению, от развернутого «веера» определяет не один только рисунок и узор, но и структуру каждого пера в зависимости от положения его в «глазчатом поле»: прихотливо загофрированные **однобокие** бородки, обрамляющие веер снизу, легкие **вильчатые** изменения обычных опахал, изящно замыкающие веер сверху.

И, однако, чтобы оценить эту тончайшую структуру каждого пера и его роль в архитектуре целого наряда, мысленно вообразим себе его носителя, не в мертвых и недвижных его останках за стеклом музея, а в природе, и на воле, преисполненного трепетным биением жизни...

Посмотрите на самца павлина и его великолепный «шлейф» из удлиненных перьев с нежно двурядной бахромою стержней и прекрасными глазками на вершинах опахал. У птицы со спокойно сложенными перьями эти глазки довольно беспорядочно разбросаны по золотистому-смарагдовому фону, образованному бахромою стержней.

Но не то, когда великолепный «хвост» павлина ставится отвесно, колесом, движение наблюдаемое преимущественно лишь весною и в начале лета.

Начинается оно с того, что стержни длинных перьев шлейфа, тесно сложенные перед тем, расходятся, приподнимаются отвесно, превращая длинный и тяжелый шлейф в прозрачный, легкий веер, на котором симметрично, через правильные промежутки, звездятся прекрасные глазки. Смотри по освещению и положению птицы изменяются тона и тени этого великолепного щита: от медно-красного, через сапфирно-изумрудный и до золотисто-бронзового цвета с бесконечною игрой полутонов, усиливаемой движением птицы.

Медленно и плавно движется павлин с высоко-вытянутой шеей, беспрестанно и ритмически играя полуспущенными крыльями, попеременно заводя то тою, то другою стороною своего блестящего щита и встряхивая, сотрясая им от времени до времени с сухим и шелестящим шумом. При нередких поворотах птицы, можно видеть, что великолепный щит ее всецело образован оперением «надхвостья» и что самый хвост павлина состоит из относительно коротких, жестких и невзрачных перьев, только подпирających великолепный щит.

И вот, рассматривая этот изумительный, переливающийся цветами щит, невольно убеждаешься, насколько каждая деталь в строении каждого отдельного пера подчинена эффекту целого, определяющего место каждого пера, его тончайшую структуру, а не только форму и величину глазка.

Перед лицом этого подлинного «организма», звездного щита, в котором каждое перо является попеременно в положении то «целого», то «частью», гарантируя всей совокупностью общее целостное впечатление, естественно спросить: как создавалось это сказочное украшение, этот «организм» в организме, этот звездчатый шатер, этот роскошный веер, осеняющий токующую птицу?

Хорошо известно «объяснение», предложенное **Дарвиным**.

Проследивая постепенное образование «глазков» у разных представителей животных, привлекая для сравнения с павлином некоторых даже не слишком близких его родичей (так наз. «Фазанов-Шпорников»), сопоставляя их попарно размещенные «глазки» с глазками ординарными павлиньего пера и выводя его за счет двойного, парного у «Шпорцевых» фазанов, **Дарвин** думает понять «историю» павлиньего глазка.

Однако, не говоря уже о том, что несравненно проще было бы, при объяснении эволюции глазка павлиньего пера, остаться в рамках оперения последнего, используя различные ступени совершенства формирования глазка, как они ясно видимы у основании щита и прилегающих частей спины, нетрудно видеть, что главнейшее несовершенство всей аргументации великого ученого таится в самом методе подхода, в самом принципе даваемого объяснения: смешении возможного и достоверного, гипотезы и доказательства.

И в самом деле. Из того, что ординарные глазки павлиньего пера принципиально **мыслимы** как результат слияния двойных глазков по типу «Шпорника», не значит, что **доказано** такое их происхождение, не говоря уже о том, что несравненно проще «объяснить» происхождение «глазков» павлина, опираясь на различные ступени формирования «глазка» на оперении все той же птицы (по примеру рассуждения **Дарвина** об Аргусе).

Но и помимо этой методической, принципиальной уязвимости аргументации великого ученого, последний, как это ни странно, при его феноменальной наблюдательности, совершенно упустил из виду остальные характерные подробности строения «павлиньего щита», структуру краевых и концевых, вершинных перьев, их недоразвитие то в сторону односторонних, специфически «гофрированных» опахал, то в сторону замены их изящным вильчатым образованием, сводимым к выпадению центральной части опахала и недоразвитию «глазка».

Формулятивно выражаясь, можно было бы сказать, что изумительная цельность эстетического восприятия павлиньего щита складывается из двух моментов: **прогрессивного** формирования «глазков» по направлению от спинки к центру этого щита и **регрессивного** к периферии, постепенного исчезновения глазков и замещения их то легкими, лишенными ядра развилками, то вытянутой в ряд системой однобоких и гофрированных опахал.

И там, и здесь эффективность целого достигнуто **недоразвитием** «глазка», его редукцией, но в направлениях диаметрально противоположном: там — придачей легкости, воздушности, здесь — при охвате, обрамлений опахала снизу усилением массивности этой оправы.

Следуя способу аргументаций **Дарвина**, нетрудно было бы и здесь, при том не покидая оперения павлина, подыскать тончайшие ступени и градации в этой редукции «глазка», его регресса, замещения двумя описанными только что «эффектными остатками»..

Но утверждать, что такой была фактическая эволюция щита павлина, значило бы по примеру **Дарвина**, представить за **доказанное**.

Фигурально выражаясь, можно было бы сравнить великолепный щит павлина с изумительной картиной, с натуральным гобеленом, вправленным в искусно сделанную раму, замечательную тем, что содержание картины переходит постепенно в раму, органически связываясь с ней.

Нетрудно видеть, что возникновение подобного «ансамбля» мыслимо лишь одновременно, а не таким путем, что «рама» лишь позднее подгонялась к содержанию картины, или же наоборот, последняя приспособлялась к раме. Целостная эффективность рамы и картины мыслимы лишь как итог и следствие единого и целостного становления.

А теперь попробуйте конкретно, мысленно вообразить этапы становления павлиньего щита- надхвостья, как итога постепенной эволюции отдельных компонентов: осложнения, усовершенствования «глазка» центрипетально и редукции «глазка» — к периферии.

То ли, что когда то, ранее, глазчатый щит был равномерно изукрашен «полноценными» глазками (наподобие того, как это наблюдается у «Шпорников») и лишь потом, позднее, в ходе эволюции глазки периферии потерпели «инволюцию» в двух разных направлениях, появления «развилка», или усиления «бахромки».

То ли, с самого начала эволюция «щита», как целого шла в упомянутом тройном направлении: полноценного «глазка», «развилки» и «гофорирования бахромки», только вырастая по длине и мощи.

То ли, самый блеск, само сверкание щита слагалось также исторически, из «полу- блеска», или даже полного отсутствия сверкания, хотя как раз на ирризирующем оперении его окраска, цвет, неотделимы от сверкания и блеска.

Допуская первое, мы уподобились бы декоратору-художнику, начавшему с изготовления «гобелена», чтобы завершить свое творение достойной «рамой» из смарагдовых бахромок и «безъядерных» развилок.

Пользуясь вторым сравнением, мы станем в положение художника, начавшего с уменьшенного образца задуманного «гобелена», с тем, чтобы в дальнейшем только увеличивать его размеры.

Обращаясь к третьему сравнению, наш воображаемый художник начал бы с бесцветного эскиза, подлежащего затем расцветке, заполнению сверкающими красками.

Нетрудно видеть, что ни первый, ни второй, ни третий путь создания сверкающего веера павлина не образимы: целостный в своем эффекте, как единый гармонический мотив, законченный во всех деталях, щит павлина мог создаться лишь как нечто целостное и единое. И не случайно, вопреки суждениям **Дарвина**, природа не оставила нам ни малейших указаний на отдельные этапы, стадии ступени эволюции «павлиньего глазка» **вне оперения самой птицы**.

Заключать же по отдельным стадиям образования «глазка», «бахромки», и «развилка» на **теперешнем** наряде птицы об аналогичных же **воображаемых** этапах становления в прошлом можно лишь ценою оговорки, что такая аналогизация не более, как смелая гипотеза.

Что это так — в этом нетрудно убедиться, если от чудесного павлиньего глазка, от изумительного веера-самца-павлина, обратиться к «потребителю», или ценителю его..

И в самом деле. Для кого и для чего, под чьим давлением, или стимулом, в чьих интересах и потребностях слагалось и сложилось это изумительное украшение?

И пусть не скажут нам: «Ни для кого, ни для чего!» Сложился этот изумительный орнамент **независимо**, безотносительно к его возможным созерцателям, как зарождается незримо, без учета будущих ценителей жемчужина в глубинах раковин, как вырастают на заиндевевших окнах льдистые узоры...

Но нетрудно видеть всю ошибочность таких ответов и сравнений.

В полное отличие от жемчуга, зачатого во мгле глубины раковин, и не в пример морозному узору на окне заброшенной лачуги, — оперение птиц по самой сущности своей, по самой технике поверхностного нанесения на теле птицы, головою выдает предполагаемого «зрителя».

Давно отмечен и по справедливости был оценен тот факт, что изукрашены наряды птиц только **поверхностно**, что опахала птичьего пера покрашены орнаментально только в части, обращенной к свету... Выражаясь несколько вульгарно, можно было бы сказать, что оперения птиц напоминает щеголих, нарядных лишь со стороны «верхнего платья», при полнейшем игнорирования их «дессу», нательного белья.

Достаточно лишь приподнять лазурно-кобальтовые опахала на груди, или смарагдо-золотисто-бронзовое на спине павлина, чтобы убедиться, что сокрытые от света налегающими сверху перьями, прикорневые части опахал павлина — грязновато-бурые, что прилегающие к телу части оперения, скрытые от зрителя — совсем непрезентабельны, что блещет и сверкает оперения лишь в меру его видимости и заметности со стороны!

Короче, проще, лапидарнее: Перо самца-павлина, изумительный наряд его, предлагает **зрителя**, он ориентирован на **зрительное** восприятие, на некую оценку, приходящую **извне**, со стороны, он ориентирован на чей то глаз.

Какого зрителя? Аборигенов Индии, или Цейлона — родины этой прелестной птицы... Или первых мореплавателей-финикиян, ознакомивших впервые Запад с этими причудливыми птицами? Конечно, нет! звучит ответ науки: Не для украшения садов, или столов Лукулла или Клеопатры, не для украшений шлемов средневекового рыцаря или не для шапки прежних русских ямщиков, и не для посетителей теперешних зоосадов и зоопарков и не для зоологических музеев, но для ..эстетического наслаждения ...павы, самочек павлина!

Вот уже именно: «галантность свыше меры и потребности»! Что это так, в этом нетрудно убедиться, предложив адептам этой «эстетической теории» ответить на два следующих вопроса:

А. Имеется ли у самца-павлина, если не сознание своего роскошного наряда, то стремление использовать его для привлечения самки?

В. Имеется ли у последней, именно у павы, эстетическое чувство, адекватное для восприятия роскошного пера самца-павлина?

Хорошо известно, что на оба приведенных здесь вопроса отвечать приходится лишь **отрицательно**.

По первому вопросу: парадит токующий самец-павлин своим роскошным веером не только перед самочкой, но и в отсутствие ее, в пустом загоне, парадит и молодой павлин до приобретения роскошного наряда.

Парадит токующий павлин не только в пору полного развития глазчатого щита весной, или в начале лета, но не с меньшим рвением и в конце его, когда за выпадением глазчатых перьев веера, поставлен «колесом» один лишь серый хвост и «объективно» парадит павлину нечем.

Справедливость требует признать, что по обоим выраженным здесь сомнениям нетрудно подпекать отводы или возражения по аналогии, не слишком лестной для людского быта.

И действительно, кому же неизвестно, что в людском быту склонность к щегольству, оправданное в юности, нередко сохраняется и до глубокой старости, что пародирование внешностью (порой весьма неблагоприятной!) производится нередко совершенно бескорыстно и бес перспективно, «по привычке» по примеру малопривлекательной тургеневской «не-героине», обладавшей даром и склонностью «кривляния» в пустом пространстве.

Но оставим эти аналогии, малоуместные (хотя направлены они к опровержению еще менее серьезных, ибо еще более антропоморфных).

Обратимся к рассмотрению второй проблемы — о способности павлиньей самки, павы, реагировать на парадирование самцов.

Давно и хорошо известно, что манера поведения первых при «ухаживании» вторых не слишком вяжется со всей аргументацией сторонников «Теории Эстетизма»: загнанная часто в угол, чуть ли не прижатая к стене загоня наступающим и надвигающимся на нее щитом самца-павлина, самка продолжает прозаически отискивание корма, общим своим видом выражая полную индифферентность, сдержанность и безразличие к стараниям своего настойчивого обожателя.

Нам скажут и такое возражение делалось в печати: из того, что павы не закатывает глаз от восхищения перед самцом, еще не значит, что старания его бесплодны и не остаются без внимания..

Но сквозящая в подобных репликах ирония лишь падает обратно на их авторов. И то сказать: Где больше антропоморфизма, в справедливом ли желании усмотреть в повадках павы подтверждение ее предполагаемой способности активно реагировать на красоту самцов, или в попытке приписать куриной птице навыков утонченной кокетки, сохраняющей притворное спокойствие и мнимый индифферентизм при фактически тончайшем наблюдении за каждой мелочью наружности и поведения обожателя и обеспечении заранее его успеха.

Из изложенного до сих пор одно лишь вытекает с полной очевидностью: полнейшее несоответствие имеющихся фактов и ответственности выводов.

Реально и конкретно в разбираемом примере лишь одно: волшеббно-сказочная целостная (в смысле органически-законченного орнаментального мотива) красота павлиньего наряда и повадки птицы, повышающие эту красоту.

Все остальное: «гордость» и «тщеславие» павлина, его склонность «парадировать» своим нарядом, а для самки-павы, дар «оценивать» старание самца и производство «выбора» лишь наиболее нарядного — все это стопроцентный антропоморфизм.

Окончательно нас убеждает в этом то немногое, что нам известно об исследовании зрительных и эстетических способностей у птиц, вскрывающих двоякое:

Как показали опыты над курами, последние способны различать цвета лишь первой половины спектра (красный-оранжевый, желтый), связанные, может быть, с окрасками любимых ягод..) и не реагируют на относящиеся во вторую половину спектра, т.е. на зеленый, синий, фиолетовый, входящие как раз в состав павлиньего пера.

Длительные опыты над различением цветов у попугаев (опыты Н.Н. **Ладыгиной-Котс**) хотя и доказали несомненную способность этих оперенных арлекинов различать цвета обеих половин цветного спектра, но не в тех тончайших и минуциознейших нюансах, на которых зиждется великолепие пера павлина, или индивидуальные отличия (по красоте пера) самцов того же вида.

Эти опыты и факты экспериментальной Зоопсихологии можно дополнить опытом не только полевых натуралистов, но и наблюдениями над населением птичьего двора.

Так, по имеющимся наблюдениям над близким родичем павлина дикими фазанами, самец- фазана «коршуном» слетает, устремляется на самочку, не выжидая ее «выбора», или «оценки» своего сверкающего оперения.

Но также мало руководствуется «эстетизмом», или ожиданием «выбора» обыкновенный наш петух, так деспотично выявляющий свой пыл над беззащитным и безропотным своим гаремом...

И, однако, даже признавая неестественность повадок и привычек птиц в условиях одомашнения (известно, в частности, что моногамы в диком состоянии делают часто полигамами в неволи..), можно сомневаться в том, чтобы исход предполагаемого «выбора», там даже, где он и осуществляется, был обусловлен «красотой» наряда, а не темпераментом того или иного конкурента.

Хорошо известно, что такой заменой «эстетического» фактора моментом большей силы и здоровья многие ученые, подобно **Уоллесу**, пытаются спасти учение о «половом подборе», забывая, что различия по силе конституции способны в лучшем случае сказаться на насыщенности, блеске оперения, но не на изысканности, разрисовки, изощренности орнамента.

Будь оно иначе, пришлось бы признавать за полноценных в смысле «конституции» лишь ярко оперенных птиц, а всех покрашенных неярко типа ворона, орла и соловья, — как и всех тускло-оперенных самок — объявить «неполноценными» и хилыми.

Отстаивать зависимость окраски или цветности эпидермических покровов от «конституциональной» силы организма значило бы в лучшем случае определять цвет глаз или структуру волоса людей по степени их силы и здоровья, в худшем — докатиться до фашистских бредней об «особой конституции» голубоглазой, белокурой расы («белокурой бестии» Фридриха Ницше).

Но едва ли нужно говорить, что эти бредовые измышления фашистов лишены и тени основания в науке и тем самым отношения к интересующему нас вопросу.

И тем более заманчиво свести проблему «полового диморфизма» и «дихроматизма» к точной физиологической основе: слишком ярко и закономерно подтвердилась за последние полвека в опытах бесчисленных ученых самая бесспорная зависимость «брачных нарядов» и повадок от так наз. гормональных факторов, от состояния желез внутренней секреции и всего прежде: половых желез и их придатков.

Оставляя до другого места тщательное рассмотрение относящихся сюда примеров, как заимствованных из экспериментов, так и наблюдаемых на воле, ограничимся сейчас лишь констатацией двух тезисов:

А. Признание теснейшей связи и зависимости «вторично-половых отличий» (по терминологии **Дарвина**) от состояния половых желез и их придатков.

В. Необъяснимость возникновения, происхождения вторично-половых отличий типа Лирохвоста, Аргуса или Павлина факторами гормонального порядка.

Обращаясь к первому, бесспорно положительному тезису, достаточно напомнить опыты целого ряда зарубужных авторов, а среди русских — хорошо известные исследования М.М. Завадовского, его эксперименты по искусственному изменению внешнеполовых отличий у различных птиц, фазанов, уток и домашних кур.

В неоспоримой форме эти опыты наглядно подтвердили тот общеизвестный факт, что после удаления семянников у петуха последний превращается в так наз. «каплуна», теряющего гребень, внешний облик, склад, осанку и повадки петуха при сохранении петушиного наряда; и что лишь при пересадке, трансплантации части яичника «каплун» по виду делается неотличимым по перу от курицы.

Подобным образом и курица кастрированная, хотя и получает яркую окраску петуха, но его шпоры, гребень и посадку получает только после имплантации семенника.

С этими данными ученых-вивисекторов согласны наблюдения над вольной птицей, данные охотников и полевых натуралистов.

Хорошо известны случаи не слишком частые, когда на воле самки наших промысловых птиц (как наичаще добываемые) получают оперение самцов, становятся «петухоперыми». Всего обычнее (лишь относительно, пропорционально общей массе добываемой птицы..) наблюдается эта «петухоперость» у тетерек, всего ярче и законченнее у глухарок, в меньшей степени и реже — у фазанок, реже поступающих на рынок.

За отсутствием у дикой птицы вивисектора его обязанности выполняются самой природой: старческое вырождение яичника, природные его дефекты или травмы заменяют роль ножа и с тем же результатом: усвоением курочкой частично или полностью наряда петуха.

Особенно наглядно это превращение выявляется у глухаря, самки которого настолько совершенно принимают иногда характер оперения самцов, что только меньшие размеры, свойственные самкам, выдают особенности пола.

Несравненно реже (по причинам, хорошо понятным из самой природы данного явления..) встречается на воле «куроперость», правильнее говоря «телидия»: приближение самцов к окраске, складу и повадкам самки.

Замечательным примером этого редчайшего явления в природе может послужить **Глухарь**, по росту, по длине хвоста, размерам клюва и так наз. «бороды» (утечку удлиненных перышек на горле), — самый настоящий, подлинный глухарь-петух, а по окраске, пестрой и рябой — типичная глухарка.

Представляя величайшую научно-музеологическую редкость, этот замечательный глухарь (второй в Европе после некогда описанного в Дрезденском Музее..), к сожалению не мог быть своевременно подвергнут вскрытию и потому остался неизученным анатомически.

Сибирского происхождения (добыт около Иркутска и любезно предоставлен **Дарвиновскому Музею** профессором Дорогостайским) этот экземпляр при вскрытии бесспорно обнаружил бы аномалию органов происхождения и этим самым роль гормонов в приобретении куриного наряда взрослым глухарем.

Но признавая, таким образом, бесспорную зависимость того или иного оперения от гормональных факторов, мы тем категоричнее отказываемся сводить к последним подлинное объяснение проблемы органических, точнее говоря, «организмических» орнаментов в их наиболее утонченных и совершенных формах.

В самом деле. Возвращаясь к вышеприведенным замечательным примерам «эксцессивных» украшений и орнаментов у птиц «Райской чешуйчатой», Фазана-Аргуса, Павлина или Лирохвоста, невозможно отрицать зависимость этих орнаментов от гормональных факторов и физиологической основы.

Можно думать, даже быть уверенным, что сходно с тем, как экстирпация яичника у скромной по перу фазанки вызывает у нее сверкающее оперение самца, так и глазчатый шлейф павлина исчезает или появляется в зависимости от «гормонов», требуя определенной гормональной подосновы для фактического выявления.

Но именно лишь «выявления», «активизаций», а не возникновения, не генезиса украшения, уже имевшегося ранее в потенции.

Напомним: Курица по удалении яичника делается свиду петухом. Петух, по удалении семянников, дает так наз. «каплуна», который по внесению в него частички от яичника становится по виду курицей.

Внесем в кастрированного павлина порцию гормонов павы — «Шлейф» исчезнет. Удалим из павы половую железу — и павя получает «шлейф» павлина.

Такова конкретно-эмпирическая сторона явления.

И все же полностью понять из факта выпадения ила наличия гормона появления или утраты звездного шатра павлина явно невозможно.

Стоит лишь конкретно осознать полнейшую неадекватность двух сопоставляемых в причинной связи элементов: изумительных орнаментов и непонятных в своей подлинно творящей роли «половых гормонов», от наличия или отсутствия которых только и зависит (будто бы!) наличие или отсутствие орнамента.

И в самом деле, прилагая сказанное к «лире» лирохвоста, можно допустить, и даже быть уверенным, что проявиться замечательное хвостовое украшение его способно только на определенной гормональной базе, но отсюда до действительного объяснения «генезиса» лиры этой птицы бесконечно далеко.

Но даже более того.

Нетрудно видеть, что по появлении «Теории Гормонов» вся проблема объяснения вторично-половых отличий, в частности окрасок, осложнилась до невероятной степени.

И в самом деле. Вдумаемся в постановку данного вопроса, как она рисуется на базе современной физиологической теории гормонов.

Прежняя проблема о происхождении орнаментов вторично-полового свойства под влиянием Теории Гормонов осложнилась вдвое, именно поскольку:

- I. Основной вопрос о генезисе, о происхождении орнаментов, о том, как исторически они когда зарождались и слагались, нарастали, развивались и достигли современного им состояния, остался незатронутым.
- II. Возникла новая проблема: объяснить, как от воздействия ничтожной гормональной массы, от ее наличия или отсутствия, зависит исчезающие, или наличие сложнейших, изумительных по совершенству украшений типа оперения Павлина или лиры «лирохвоста».

Более того. Вскрывая неподозреваемую сложность физиологических процессов гормональная Теория меняет в корне Дарвиново представление о постепенности приобретения самцового наряда под влиянием «отбора» самкой.

Этот красочный наряд самца-павлина, аргуса оказывается присущ и самке, только в скрытом виде, и не может выявиться под влиянием гормона половых желез («феминизина»). Удалите половую железу, яичник и его гормон, и скрытые дотоле яркая окраска (как и ряд других самцовых признаков, осанка и повадки..) механически появятся во всей красе.

Аллегорически возможно было бы сказать: причудливый орнамент оперения самца-павлина или Аргуса таятся в организме самок этих птиц, подобно сложному сюжету на фотопластинках, издавна заснятых но хранимых без проявки. Роль гормона может быть сравнима с действием фотографического «проявителя», лишь выявляющего ранее заснятое фотографом.

И как нелепо было бы считать «Метол», или «гидрохинон» причиной, объясняющей сюжет и содержание готовой фотографии, будь то ландшафта, группового снимка, или живописного изображения, также

абсурдно видеть в капельке «гормона» подлинный источник изумительных орнаментов самцов павлина, Аргуса и Лирохвоста.

А теперь попробуем эти фактические отношения «нарядов» и «Гормонов» проецировать на «прошлое» и вправить в историческое русло.

При такой попытке, остается, очевидно, только допустить, что изначально и исходным следует признать не скромную окраску курочки, а яркий, красочный наряд самца, когда-то свойственный обоим полам, но затем, лишь под влиянием развития особого гормона, именно яичникового, заторможенного, задержанного и переведенного на положение «скрытости» (латентности), будь то под действием естественного Отбора (возраставшего по мере обострения «борьбы за жизнь», или других причин, нам ближе неизвестных.

Но ведь если так, то что же остается в таком случае на долю «сексуального подбора»?

Ведь одно из трех: Раз самки и самцы были когда то сходными по красочности оперения, то кто кого же выбирал: самки самцов, или обратно, или параллельно как в кадрили «кавалеры» — «дам» и «дамы» — «кавалеров»?

Как неизмеримо осложнилось с появлением Теории Гормонов разрешение проблемы генезиса украшающих вторично-половых отличий по сравнению с тем, как это рисовалось Дарвину!

По Дарвину: была пора, когда самцы и самки были одинаково невзрачными по оперению.

Затем в итоге ближе неизвестных нам причин, но **не** воздействий внешней окружающей среды (ибо она была тождественной для птиц обоих полов!) появилась у самцов склонность к большей яркости наряда.

Встреченная позитивно самками, она была подхвачена их «эстетизмом» и усиливаясь постепенно, привела к теперешнему резкому различию во внешности самцов и самок. Там же, где последние пытались унаследовать частично изукрашенность самцов Отбор Естественный задерживал это стремление, поддерживая, сохраняя «покровительственную» невзрачную окраску самок.

По теперешним суждениям, основанным на точных, экспериментальных данных:

Оба пола, и самцы, и самки были раньше одинаковы по яркости нарядов, о происхождении которого мы достоверно ничего не знаем. Допустимая вначале яркая окраска самок под влиянием возросшей строгости борьбы за жизнь стала исчезать при непосредственном участии образовавшихся гормонов, обусловивших теперешнюю защитную, покровительственную окраску самок.

Существо проблемы изменилось таким образом, в том смысле, что разгадывать и объяснять приходится не только генезис блестящего наряда у самцов, но также исчезание его у самок!

Но и независимо от этой знаменательной перестановки всей проблемы, следует признать, что самый факт зависимости яркого наряда от наличия или отсутствия гормона, ровно ничего не говорит о зарождении и эволюции «орнамента», не более, чем ссыла на «гормоны» гениального художника при композиции задуманной и гармонически исполненной симфонии, картины и поэмы.

Почему при удалении яичника и выпадении женского гормона, самка Лирохвоста получает «лиру», самка Аргуса — двухметровый шатер из перьев, изумительных по своей графике, а пава — веер, шлейф, усаженный, оваянный «симфонией павлиньего глазка», все это столь же мало вразумительно, как если бы пытаться объяснить «гормонами» происхождение творений Данте и Петрарки, Грига и Шопена, Репина и Левитана...

Пусть громаднейшее большинство окрасок и цветов в животном мире относительно несложно, позволяя их сопоставление с миром красок и цветов неорганического мира. Но и здесь работы физиологов, их гормональные теории лишь осложнили самую проблему, а не облегчили разрешение ее.

И в самом деле. Если тусклая окраска павы есть явление вторичное, лишь следствие «заторможенной» яркой, если по наружности и скромности наряда птицы невозможно заключать о ее скрытой красоте, могущей выявиться лишь по удалении «тормозящего» гормона — то не в праве ли мы думать, что подобное же скрытое великолепие потенциально свойственно и множеству других созданий, свиду темных и невзрачных?

И другой вопрос: Как нам смотреть на виды «мономорфные», тождественные, сходные по яркости, или по тусклоте в обоих полах?

То ли в свете «тормозящего гормона», или как исходные, нерасшифруемые ближе состояния?

Вот уже подлинно: «Чем дальше в лес, тем больше дров»! Настолько в ходе расширения наших познаний, осложняются проблемы, столь простые свиду при своем возникновении в эпоху **Дарвина** и первых дарвинистов.

И единственное позитивное, что вытекает из перевода проблемы в плоскость физиологического изучения, есть возрастающее с каждым опытом, каждым успехом в области ножа и мысли убеждение в стройнейшей, изумительной закономерности Природы, регулирующей видимо, или незримо, но от этого не менее материально, все процессы и явления, включая то, что мы привыкли, пусть условным образом расценивать под знаком эстетического восприятия.

Мы рассмотрели с большей, чем быть может требовалось, подробностью Теорию Эстетизма на примере оперения Павлина, и пришли к глубоко-отрицательному выводу не только в отношении Теории Полового подбора, как она отстаивалась **Дарвиным**, но и к признанию полнейшей невозможности ее замены помощью Теории Гормонов, только осложняющей проблему в наивысшей степени.

И вот, при виде той упорности, с которой большинство зоологов цепляется за них, за эти две теории, приходится признать, что подлинные стимулы и объяснения этого упорства продиктованы извне: возможным опасением, как бы за непризнанием означенных теорий не скрывалась бы тенденция к истолкованию проблемы «генезиса органических орнаментов» вне и помимо материалистических концепций.

Разделяющие эти опасения как будто забывают о тройном трузиме:

- I. Поскольку речь идет о вещно-материально-видимых явлениях и фактах, будь то «хвост» Павлина, или «лира» Лирохвоста и поскольку современное естествознание оперирует только с материей — все объяснения, даваемые им, должны быть только **материалистичны**.
- II. Объяснения **Дарвина** в его Теории Полового подбора явно **отступали от принципов материалистического объяснения**, опираясь о неуловимые для материального анализа и для физического глаза чувства «красоты» и «эстетизма» у животных.
- III. Нежелание усматривать возможность, даже неизбежность временных пробелов наших знаний говорит о склонности расценивать науку наших дней, как окончательно, решившую навеки все вопросы, все доселе непонятное, суждение настолько же наивное, как и зловерное, ибо невольно делающее бесцельным и излишним все дальнейшее движение научной мысли.

Приложение.

Сказанное выше об угрозах «Антропоморфизма», об опасности рассматривать явление «орнаментов» в животном мире в свете человеческих оценок, представляется полезным подтвердить рядом новейших наблюдений над павлинами в Московском Зоопарке.

Нижеследующий краткий очерк опирается о сообщенное мне давним преданным сотрудником как Зоопарка, так и Дарвиновского Музея, П.П. **Смолиным**, которому я приношу свою сердечную и дружескую благодарность.

«Брачное поведение павлинов Московского Зоопарка»

Летом 1947 года за павлинами Московского Зоопарка велись специальные наблюдения доктором биол. наук Ю.А. **Васильевым** при участии членов Кружка Юных Натуралистов **Зоопарка** под руководством П.П. **Смолина**.

Павлины в количестве до 20 штук помещались в большой открытой вольере, снабженной «ночевочными домиками», нашестями, бассейном и кормушками.

Каждый из наблюдаемых самцов павлина был помечен навязанной на ногу ленточкой.

Наблюдения всех лиц, участвовавших в них, сводились к следующему:

I. Каждый из самцов павлинов имел довольно точно (в пределах нескольких квадратных метров) локализованную точку, на которой он и токовал.

Сдвиг с «точки» наблюдался несколько раз в тех случаях, когда таковая находилась недалеко от кормушки, у которой кормилась пава, в то время, как в течение долгого времени ни одна пава не подходила к павлину. Вообще же смещение «точки» происходит достаточно редко.

II. Особенности поведения самцов дававшие значительные колебания у разных особей, должно считать во время тока:

Распускание шлейфа колесом, издавание крика и лежание.

Сильные, полноценные самцы токуют (держат шлейф отвесно) свыше часа, много кричат и мало ложатся.

Слабые самцы мало токуют (не больше 10 минут!), мало кричат и часто ложатся.

III. Материал, собранный во время личных наблюдений дает ряд характерных моментов во взаимоотношениях павлинов с павами.

a. Всякая птица (а не только пава) попавшая в «зону хвоста» павлина, усиливает его токовую активность и с другой стороны, в подавляющем большинстве случаев пава, находящаяся за пределами «токовой зоны», для павлина, за правило, не существует.

b. «Токовые повадки» самца-павлина сводятся к следующему:

При приближении самки самец оживляется, что выражается в судорожных подергиваниях крыльев. Когда самка вошла в «зону хвоста» павлина, он маленькими шажками приближается к ней, нагибает перья «хвоста» и сотрясает ими.

Заметив, что пава готова к спариванию, он полусвертывает шлейф и с протяжным мяукающим криком бросается на паву. Если пава убегает, и вышла из «токовой точки» павлин перестает ею интересоваться.

Раза два удалось наблюдать, как пава, не удаляясь, но бегала в пределах «токовой зоны», в этом случае павлин ее преследовал.

c. поведение пав. Активизация их начинается с того, что самка приближается к токующему самцу и подолгу остается в непосредственной близости от него, не проявляя впрочем, в отношении самца никакого особого интереса.

Существуют, по-видимому, какие то позы и движения, которые вызывают у самца попытку к спариванию, но пронаблюдать непосредственно эти позы и движения не удалось.

IV. Подобно многим другим видам птиц, развитие яичников и яйцекладка у пав очень отчетливо стимулируется наличием гнездопригодной площади. В открытых, лишенных растительных зарослей вольерах павы не несутся и спариваются плохо.

Таковы свидетельства прямого наблюдения. Нетрудно видеть, что главнейший вывод их двоякого порядка.

Позитивный: подтверждение громадной роли **физиологических** моментов, целиком определяющих все поведение павы и павлина в пору токования, правда, согласованных с био- морфологическими данными.

Так, любопытная манера каждого самца-павлина выбирать для токования определенный «пост», участок общего загона, а не токовать то там, то здесь, понятна, если мы учтем, что при наличии громоздкого «хво-

ста» гоняться петуху за павой не приходится, и в то же время паве облегчается общение с самцом, уже однажды преуспевшим в отношении ее.

Тем же мотивом можно объяснить тот факт, что павы, вышедшая из «поля зрения» самца, вернее занятого им «плацдарма», осененного щитом, теряет для павлина всякое значение: бегать вслед за самкой и к тому же неготовой к спариванию бесполезно!

Но, как и обычно, там, где действует «в слепую» голая физиология без коррективов и контроля, вызываемых условиями жизни, физиологические стимулы способны приводить к нелепейшему действию, как например, усиленное токование павлина перед камнем и любым другим предметом при отсутствующей самке.

Очень показательным дифференцированным поведением самцов павлинов разных возрастов и темпераментов, разная длительность их токования, частое прерывание его лежанием у старых, каковыми признаками, а не меньшей красотой их оперения, объясняется их меньшая успешность в отношении самок.

Наконец, характерное поведение пав, готовность к спариванию которых целиком определяется наличием гнездостроительных приспособлений, а не большей, или меньшей «красотой» самцов.

Еще бесспорнее и убедительнее **отрицательные** выводы. Они сводимы к полному отсутствию какой либо поддержки и обоснования «Теории Эстетизма».

В приведенных наблюдениях, если и есть свидетельства «отбора», или «выбора», то только в смысле большего успеха более выносливых, упористых и энергичных петухов, способных дольше и упорнее «выстаивать» на токовищах, независимо от степени развития и совершенства украшающего их наряда.

Можно думать и предполагать, что ежели бы самке предстояло выбирать между настойчивым и энергичным обожателем, хотя бы и не блещущим своим нарядом, и предельно-изукрашенным, но менее горячим, пальма первенства досталась бы на долю первого, как то — увы! — нередко подтверждалось в жизни не одних двуногих- оперенных (вспомним «героиню» «**Драмы жизни**» Ибсена!)

Этот примат Физиологии наглядно сказывается и в том значении, которое имеет в деле реагирования павы на авансы, делаемые самцом, условия для гнездования:

Не совершенство блеска оперения самца, а.. близость площади, пригодной для гнезда, вот, что является решающим для отклика на домогания самцов павлина.

Проще и короче: при готовности для спаривания (обусловливаемой наличием места гнездовья, в свою очередь определяющего состояние яичника..) павы готова будет принимать любых самцов, безотносительно ко степени их красоты. Нет гнездовых условий, отстает развитие яичника — и самые изысканные украшения и позы, самые упорные выстаивания на токах павлином будут безуспешны и бесплодны: **мнимый эстетизм разобьется о реальную физиологию.**